

О. М. Беляева

«Не забывайте меня...». Памяти В. М. Панеяха

Мое знакомство с Виктором Моисеевичем Панеяхом состоялось в 2006 г., когда я была принята соискателем в Европейский университет в Санкт-Петербурге. Для поступления в университет нужно было представить письменную работу, а также пройти собеседование. Для меня, как и для некоторых ребят из регионов, которые не смогли лично прибыть на вступительные испытания, собеседование проходило по телефону. Один из вопросов, который был мне задан, касался непосредственно темы будущего исследования. Помню, как Виктор Моисеевич спросил меня, почему собственно я решила посвятить свою работу Эрвину Давидовичу Гримму. Я ответила, что судьба Э. Д. Гримма мало изучена, в то время как он был весьма интересной и неоднозначной фигурой, не только ученым, администратором, но и общественным деятелем. На что Виктор Моисеевич ответил мне вопросом: «А знаете ли вы, что Эрвин Давидович Гримм был хорошо знаком с Борисом Александровичем Романовым?» Оказалось, как потом мне рассказывал Виктор Моисеевич, его учитель Б. А. Романов в свое время сам учился у Э. Д. Гримма, потом в 1920-е годы они вместе работали в Историческом научно-исследовательском институте, и, наконец, впоследствии

в доме Б. А. Романова и его супруги Е. П. Романовой Э. Д. Гримм провел последние дни своей жизни. Так, во многом благодаря избранной теме, я вскоре стала соискателем факультета истории ЕУ СПб, а Виктор Моисеевич — моим научным руководителем. Интерес к персоне Э. Д. Гримма стал теперь нашим общим. В те годы Виктор Моисеевич как раз занимался изучением истории исторической науки советского времени.

Как научный руководитель Виктор Моисеевич был очень требователен. После проверки текстов он отдавал их мне со множеством сделанных правок, пометок, комментариев на полях, вопросов для уточнения. Виктор Моисеевич строго следил, чтобы каждая мысль в тексте была как следует аргументирована. Недоказанные мысли он саркастически именовал «гипотезами». Являясь специалистом в области археографии, Виктор Моисеевич много внимания уделял оформлению сносок. Наличие «глухих сносок» вызывало у него недовольство, и он всегда настаивал на их полной расшифровке.

Тогда в Европейском университете Виктор Моисеевич читал нам курс по археографии. Он всегда поправлял нас, утверждая, что нет никаких архивных и опубликованных источников, есть только опубликованные и неопубликованные, и призывал говорить и тем более писать об источниках правильно. Обычно на лекциях и практических занятиях мы больше слушали, чем вели записи. Виктор Моисеевич мог говорить часами. В свое повествование о предмете он очень умело вплетал воспоминания о собственном студенчестве, о своей работе и жизни, что помогало лучше понять его как человека, преподавателя, ученого. Мы всегда слушали его с большим интересом. Знания, которыми Виктор Моисеевич делился с нами на своих занятиях, думаю, всем нам пригодились в дальнейшей самостоятельной научной работе.

Виктор Моисеевич всегда находил время, чтобы обсудить со мной тексты по теме исследования. Мы встречались либо в Европейском университете в перерывах между занятиями, либо в Институте истории, когда Виктор Моисеевич приезжал туда на работу. Он познакомил меня со многими видными

учеными ИИ РАН и ЕУ СПб, много рассказывал о них, тем самым приобщая к научному сообществу.

Мне довелось несколько раз побывать и дома у Виктора Моисеевича. В первый раз, когда я приехала к Виктору Моисеевичу в гости, он устроил для меня настоящую экскурсию. Первым делом Виктор Моисеевич провел меня в свой кабинет. В нем по правую руку располагался длинный, почти во всю стену и до самого потолка, книжный шкаф, возле него у окна стоял рабочий стол, над ним висели фотографии его родителей, супруги и учителя Б. А. Романова. О них Виктор Моисеевич отзывался с огромной теплотой, и было сразу понятно, как много значили в его жизни эти близкие ему люди. Вообще за годы моего знакомства с Виктором Моисеевичем он очень многое рассказал о своей семье, родителях, своем учителе Б. А. Романове, об учениках и коллегах по работе. К каждому подходящему событию у него всегда находился какой-нибудь эпизод из жизни, которым он охотно делился со мной. Поразительно, сколько всего он помнил и знал.

Обычно мы садились обсуждать тексты в комнате напротив кабинета. Виктор Моисеевич вначале очень внимательно слушал то, о чем говорила я, всегда давая возможность высказаться до конца, а затем наступала моя очередь выслушать его комментарии. Не со всеми идеями Виктор Моисеевич соглашался, тогда мы спорили. Он приводил одни доводы, я другие. При этом Виктор Моисеевич никогда меня не переубеждал. И лишь многозначительно каждый раз добавлял: «Подумайте».

После долгих обсуждений был чай. К чаю всегда было угощение. Виктор Моисеевич любил торт «Балтийский». Вообще он был очень радушным и гостеприимным человеком. Прощаясь, Виктор Моисеевич всегда повторял одну и ту же фразу: «Не забывают меня, я о вас всегда помню».

Пока я работала над темой исследования, Виктор Моисеевич неоднократно советовал мне обратиться за помощью к людям, у которых могли остаться документы, касавшиеся личности Э. Д. Гримма. При этом он всегда приговаривал: «надо ковать железо, пока горячо». Я прислушивалась к его советам. Благодаря

этому удалось связаться и посетить удивительную женщину Наталью Борисовну Ветошникову, у которой в огромном домашнем архиве, занимавшем целиком всю комнату, хранились фотографии Э.Д. Гримма и воспоминания учениц о его преподавании на Бестужевских курсах. Я побывала также в квартире близкого друга и соратника Виктора Моисеевича — академика Бориса Васильевича Ананьича, у которого находились некоторые биографические документы о жизни Э.Д. Гримма в советский период.

Виктор Моисеевич непременно хотел, чтобы я занималась изучением именно биографии Э.Д. Гримма. Как-то раз в один из визитов к Виктору Моисеевичу он преподнес мне большой подарок — свою книгу о Б. А. Романове и на титульном листе сделал дарственную надпись следующего содержания: «...желаю издать такую же книгу о Э. Д. Гримме». Виктор Моисеевич был очень заинтересован в воссоздании судьбы ученого, в которой было немало белых пятен. Сам Виктор Моисеевич всегда говорил, что Э.Д. Гримм был «незаурядной личностью», и сетовал на «огорчительное отсутствие» его личного фонда.

Когда собралось достаточно материала, Виктор Моисеевич настоял на подготовке биографической статьи об Э.Д. Гримме. Статья была озаглавлена «Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох». Слово «судьба» было собственноручно добавлено Виктором Моисеевичем в заглавие. Если присмотреться к исследованиям самого В.М. Панеяха, можно заметить, что это слово было наполнено для него особым смыслом. Оно встречается в названиях нескольких его работ: монографии о Б. А. Романове и подготовленной в соавторстве с Б. В. Ананьичем статьи о петербургской исторической школе¹.

В те годы академик Б. В. Ананьич оставался бессменным главным редактором журнала «Исторические записки», и Виктор Моисеевич хотел, чтобы публикация о судьбе Э.Д. Гримма

---

¹ *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

вышла именно в одном из выпусков этого издания. Когда статья была опубликована в «Исторических записках»², Виктор Моисеевич был этому очень рад. «Вот, — говорил он, улыбаясь, — поздравляю вас со статьей!», после чего торжественно вручил мне авторский экземпляр.

В ходе работы над исследованием я вместе с сокурсниками посещала диссертационные семинары, регулярная практика проведения которых существовала на факультете истории Европейского университета. Как правило, на семинарах в присутствии преподавателей и приглашенных лиц обсуждались результаты исследований каждого соискателя, включая финальную, магистерскую работу. Диссертационные семинары во многом способствовали совершенствованию исследовательских навыков, были своеобразной «площадкой», где каждый из нас оттачивал умение выступать перед широкой публикой и уверенно высказывать свои мысли, в споре отстаивать свою точку зрения, парировать доводы оппонентов. На семинарах всегда была исключительно доброжелательная обстановка, что во многом способствовало еще и сплочению коллектива студентов и преподавателей.

Основой моей магистерской работы стал сюжет о конфликтах в профессорской среде Петербургского университета. Текст вызвал живой неподдельный интерес аудитории, было много вопросов, комментариев, предложений. После семинара Виктор Моисеевич подошел ко мне и, улыбаясь, сказал, что он остался «очень доволен» обсуждением. Наверное, именно после написания магистерской работы Виктор Моисеевич стал называть меня своей ученицей.

По окончании Европейского университета в 2009 г. я работала над исследованием еще в течение двух лет. С Виктором Моисеевичем мы продолжали видеться, как правило, в Институте истории, созванивались, вели переписку по электронной почте. Помню, Виктор Моисеевич все время спрашивал: «Ну что, готово? Пора бы уже защищаться». Он был крайне заинтересован

---

² *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. Т. 1 (130). Памяти Александра Александровича Фурсенко / отв. ред. академик Б.В. Ананьич. М., 2009. С. 308–351.

в скорейшем завершении работы над диссертацией и терпеливо ждал, когда, наконец, я принесу ему законченное исследование. Сам он тогда продолжал работать над подготовкой к изданию обширной переписки Б. А. Романова с Е. Н. Кушевой, которая была опубликована в 2010 г.³ Когда книга вышла в свет, Виктор Моисеевич любезно подарил ее мне со своим автографом.

Виктор Моисеевич постоянно говорил, что по окончании работы над очередным текстом (главой диссертации) его обязательно нужно печатать. Он всегда помогал размещать статьи в журналах и сборниках. Так, когда готовился сборник, посвященный памяти академика С. Ф. Платонова, Виктор Моисеевич сообщил мне об этом и предложил подумать над темой статьи. Вопрос взаимоотношений Э. Д. Гримма и С. Ф. Платонова оказался весьма интересным, учитывая, что оба ученых принадлежали к разным политическим лагерям. В итоге получилась небольшая статья, которая была напечатана на страницах этого сборника⁴.

Инициативой Виктора Моисеевича было написать послесловие вместо традиционного заключения к работе. По правде говоря, Виктор Моисеевич был вообще против заключений, ведь в них, как он утверждал, просто повторялись уже сделанные в главах выводы. Он считал, что заключение должно быть таким, где будут высказаны совершенно новые мысли, которые станут своеобразным мостиком к следующему исследованию. Виктор Моисеевич убедил меня в том, что в работе нужно непременно хотя бы пунктирно обозначить, как сложилась дальнейшая судьба Э. Д. Гримма после его ухода из Петроградского университета. Так появилось послесловие. Заключение осталось, чтобы работа соответствовала принятой структуре написания диссертации.

---

³ Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / сост., предисл., коммент. В. М. Панеяха. СПб., 2010.

⁴ *Беляева О. М.* Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету // Памяти академика С. Ф. Платонова. Исследования и материалы / ответственные редакторы: А. Ю. Дворниченко и С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 88–91.

В 2011 г. моя работа над кандидатской диссертацией была завершена. Несмотря на то, что Виктор Моисеевич ожидал увидеть биографическое исследование, провести скрупулезное изучение жизни Э.Д. Гримма в советский период в отсутствие необходимых источников не было возможности, поэтому от идеи комплексно воссоздать жизненный путь ученого пришлось отказаться. Однако я всегда помнила завет Виктора Моисеевича, и мне хотелось все-таки оправдать его ожидания. Метод, который лег в основу всей работы, позволил сквозь призму биографии Э.Д. Гримма показать жизнь академического сообщества Петербургского университета в позднеимперский период. В каком-то смысле это был компромисс. Виктор Моисеевич не возражал. 30 сентября 2011 г. текст диссертации обсуждался на заседании совета факультета истории Европейского университета, а 6 октября был представлен на обсуждение в Отдел истории революций и общественного движения в России Санкт-Петербургского института истории РАН. Благодаря ценным замечаниям и данным мне рекомендациям удалось существенно доработать окончательный текст.

Защита диссертации была назначена на 27 декабря 2011 г. Дата была выбрана случайно, но оказалась весьма символичной, т. к. 27 декабря (по юлианскому календарю) было как раз днем рождения Э.Д. Гримма. Моими оппонентами на защите были ученик Виктора Моисеевича, к. и. н. Е. А. Ростовцев и д. и. н., профессор О. Б. Кох. Отзыв от имени ведущей организации Института российской истории РАН представил д. и. н., специалист по изучению истории высшей школы профессор А. Е. Иванов.

Перед защитой я, естественно, волновалась, и Виктор Моисеевич успокаивал меня словами: «Не волнуйтесь, все будет хорошо». Сам он, как обычно, был предельно спокоен. Все действительно прошло хорошо. Собравшиеся в зале заседаний диссертационного совета были настроены доброжелательно. Многие из присутствовавших преподавателей и ученых Института истории, Европейского и Санкт-Петербургского государственного университетов я хорошо знала, и видеть их в зале было приятно. После моего вступительного слова выступил Виктор Моисеевич. В своей речи В. М. Панеях как раз обратил внимание

присутствовавших на то, что в работе я «не ограничилась первоначально сформулированной задачей воссоздать биографию Э. Д. Гримма, его административную и общественно-политическую деятельность», как изначально надеялся сам Виктор Моисеевич, а «углубилась» в проблему взаимоотношений внутри академического сообщества Петербургского университета, что позволило, по его словам, «расширить горизонт видения», лучше понять, как оно функционировало, как внутри него налаживались, поддерживались и прерывались связи, как выстраивались взаимоотношения, как возникали и разрешались конфликтные ситуации, как соблюдались, охранялись и нарушались традиции.

После всех выступлений проходило голосование. Большинство голосов меня признали достойной искомой степени. Виктор Моисеевич улыбался: он был доволен. После защиты он подошел ко мне с букетом роз, поздравил с этим событием и вручил цветы. Виктор Моисеевич всегда был очень улыбочивым и галантным.

По окончании официальной части мероприятия состоялся банкет. Было шумно, все болтали. Я немного растерялась. Заметив это, Виктор Моисеевич уверенно взял ситуацию под контроль и стал центром внимания. Решительным голосом он объявлял очередность того или иного тоста, а я благодарила оппонентов и собравшихся. При поддержке Виктора Моисеевича никто из присутствовавших не остался без должного внимания. Это был памятный день.

Спустя некоторое время после защиты Виктор Моисеевич позвонил мне и сообщил: «Я хочу пригласить вас в ресторан отметить защиту диссертации». Приглашение, разумеется, было принято. Во время нашей встречи Виктор Моисеевич рассказал мне, что в свое время Б. А. Романов тоже приглашал его в ресторан. И вот, следуя примеру своего учителя, он решил поступить так же.

Маститый и авторитетный ученый, Виктор Моисеевич стал для меня замечательным наставником и проводником в научный мир. Я всегда вспоминаю его с бесконечной благодарностью и глубоким уважением.

Литература

Ананьич Б. В., Панеях В. М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

Беляева О. М. Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. Т. 1 (130). Памяти Александра Александровича Фурсенко / отв. ред. академик Б. В. Ананьич. М., 2009. С. 308–351.

Беляева О. М. Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету // Памяти академика С. Ф. Платонова. Исследования и материалы / ответственные редакторы: А. Ю. Дворниченко и С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 88–91.

Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / сост., предисл., коммент. В. М. Панеяха. СПб., 2010.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

References

Anan'ich B. V., Paneyakh V.M. O Peterburgskoi istoricheskoi shkole i ee sud'be // Otechestvennaya istoriya. 2000. No. 5. P. 105–113.

Belyaeva O.M. Ervin Davidovich Grimm: sud'ba uchenogo na perelome epokh // Istoricheskie zapiski. T. 1 (130). Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Fursenko / otv. red. akademik B. V. Anan'ich. Moscow, 2009. P. 308–351.

Belyaeva O.M. Sergei Fedorovich Platonov i Ervin Davidovich Grimm: kollegi po Peterburgskomu universitetu // Pamyati akademika S. F. Platonova. Issledovaniya i materialy / otvetstvennyye redaktory: A. Yu. Dvornichenko i S. O. Shmidt. St. Petersburg, 2011. S. 88–91.

Ekaterina Nikolaevna Kusheva — Boris Aleksandrovich Romanov. Perepiska 1940–1957 godov / sost., predisl., komment. V. M. Paneyakha. St. Petersburg, 2010.

Paneyakh V.M. Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. St. Petersburg, 2000.